

замечания высказывались также и со стороны некоторых католически ориентированных авторов, которые не принимали, например, предложенную Лосским концепцию перевоплощения.

Несомненно, что интерес к идеям Лосского в Словакии сохранится и в будущем, потому что оказанное им влияние на словацкую философию было довольно сильным. А оценка правильности или неправильности целостной философской системы Лосского требует уважения к истине, а не к идеологической или политической конъюнктуре.

Н. В. Шелковая

ЭРОТОЛОГИЯ НИКОЛАЯ БЕРДЯЕВА

История всех цивилизаций пронизана двумя ведущими интенциями: *борьбой за власть*, ведущей к неисчислимым жертвам, страданиям и смертям (войнам, революциям, политическим переворотам), и всепроникающим, всемижаждуемым с неизменной силой *стремлением к любви*. Танатос и Эрос. Причем воля к власти имеет не только социальный, но и экзистенциальный аспект: как воля к власти мужчины над женщиной и женщины над мужчиной, скрепление этих волей, ведущее к трагедиям, о чем прекрасно писал Ф. Тютчев:

Любовь, любовь – гласит преданье –
Союз души с душой родной –
Их съединенье, сочетанье,
И роковое *их* слиянье,
И... поединок роковой... (курсив мой. – *Н.Ш.*).

И любовь, снедаемая муками ревности или страстью, порождает страдание, ненависть и... смерть. Более того, как смерть «живет» в жизни, так страдание, боль «живет» в радости и любви как «страдость» и «люболю» (М. Н. Эпштейн). Однако, хотя любовь изначально заложена, по меткому наблюдению Эпштейна, в самом слове – «человек», если использовать для его написания кириллицу и латиницу¹, т. е. является изначальным, глубинным, сущностным свойством человека, хотя описание и осмысление феномена любви велось поэтами, прозаиками и философами всех времен и народов,

¹ *Эпштейн М. Sola amore: любовь в пяти измерениях. М., 2011. С. 8.*

сам феномен не являлся до недавнего времени предметом специальной науки – эротологии, основные методологические принципы которой были сформулированы Эпштейном¹.

Интересно, что своеобразным «духовным отцом» основателя эротологии как науки, Эпштейна, был замечательный и любимый им русский религиозный философ-персоналист, стоящий у истоков экзистенциализма, с потрясающей глубиной и экспрессией осмысливавший проблему эроса и пола, Николай Бердяев. И мною любимым, прибавлю я, до тех пор, пока... Пока я не читалась в его тексты и не увидела в них то... что я увидела и почувствовала в текстах Бердяева, посвященных проблеме эроса, и будет предметом данной статьи об эротологии Бердяева.

В своем «Самопознании», начиная размышления об эросе, Бердяев выводит в качестве источника эроса *тоску*: тоска по утраченной в акте грехопадения целостности, обретаемая при соединении полов, тоска по вечности, расколотой в земном мире на бесконечное число «осколков», тоска по Богу... Почему именно тоска, по мнению Бердяева, является источником эроса? Ответ на этот и другие вопросы, возникающие в ходе в-хождения в Бердяева через его тексты, на мой взгляд, коренятся в том, в кого мы входим, кто «рождает» *свое* ино-бытие – эти тексты, отражающие мирочувствие автора, в данном случае – тоску. Почему же тоскует Бердяев?

В том же «Самопознании» Бердяев буквально подчеркивает, акцентирует внимание читателя на том, что он – изначально, с рождения, одинок и вне-мирен, не укоренен в род человеческий, не чувствует своего родства с род-ителями², связи с кем-либо или чем-либо в силу изначально присущего ему и *ничем* неискоренимого свободо-любия. При этом, как следует из текста, он чувствует свою Бого-оставленность³ и это мучает его, вызывает тоску по соединению с Богом, вечностью. И способом соединения с Богом является, на его взгляд, любовь, причем, не физическая любовь, Афродита Земная, а мистическая любовь мужчины и женщины, Афродита Небесная.

¹ См.: Эпштейн М. Sola amore: любовь в пяти измерениях. М., 2011; Эпштейн М. Эротология // Артемьева Т.А., Смирнов И.П., Тропп Э.А., Тульчинский Г.Л., Эпштейн М.Н. Проективный философский словарь. 2002. URL: terme.ru/dictionary/951/word/yerotologija

² Бердяев Н.А. Самопознание (Опыт философской автобиографии). М., 1990. С. 11.

³ Там же. С. 45.

Эротология Бердяева – это эротология мистической любви, которую он противопоставляет, и противопоставляет иногда в очень резких, непримиримых тонах, физиологической любви, «родовой любви». В этом экстатическом противопоставлении про-является его бунтарский дух, на что он также обращает особое внимание в «Самопознании»¹. «Любовь так искажена, профанирована и опошлена в падшей человеческой жизни, – пишет Бердяев в 1949 г., но сегодня это звучит еще более злобо-дневно (увы, злобо, но не добро-дневно...), – что стало почти невозможно произносить слова любви, нужно найти новые слова»². И он ищет новые слова и образы любви.

Но... новые слова и образы любви Бердяев черпает из резкого противопоставления и *размежевания* эроса и секса. Не в о-духотворении секса, а в «уходе» (или «побеге») от него философ видит подлинно человеческую, божественную любовь. «В самом сексуальном акте, – говорит он в «Самопознании», – нет *ничего* индивидуального, личного, он объединяет человека со всем животным миром. Пол безлик, не видит лица»³. Да, человек продолжает свой род таким же способом физиологически, как и животные, но... (это извечное «но», являющееся часто ключевым в человеческой психологии и жизни) в человеке помимо физиологии, тела, существует и душа, дух. И в *истинно человеческом сексе* – эросе происходит соединение *не столько* физическое, сколько душевно-духовное, то соединение, о котором Бог говорил в своем первом (т. е. *самом важном!*) благословении «Плодитесь и размножайтесь» (Бт. 1: 28). Т. е. *истинно человеческий секс – не просто физиологическое продолжение рода, а богоблагословенный акт творения жизни*. Об этом очень хорошо, на мой взгляд, говорит Бхагван Шри Раджниш: «Если жизнь не священна, то и секс не священен. Если жизнь священна, то и секс священен. Да, секс может стать любовью, а любовь – молитвой. Когда секс станет молитвой, мы придем домой»⁴. *Когда секс станет молитвой... мы придем домой*. Да, секс падшего, грешного человека трудно соединить с молитвой. Почему? Потому, что мы – не Дома, мы скитаемся в без-домье бытия, потеряли свой «Дом в Боге» в акте грехо-падения, доходящего сегодня уже до «Бого-убегания» в паническом страхе увидеть свое истинное, часто

¹ Там же. С. 59.

² Там же. С. 71.

³ Там же. С. 70.

⁴ *Бхагван Шри Раджниш*. Белый лотос. М., 2005.

звере-подобное лицо. Но внутри самого звере-подобного человека живет Божинка и она вызывает мучительное чувство тоски, тоски по соединению с Богом, тоски по возвращению к себе Бого-подобному, тоску по любви и сексу как молитве... «Вспоминайте о Господе, прикасаясь друг к другу», – взывает Эпштейн¹. (Может, тоска Бердяева была вызвана его неспособностью к *такому* сексу и одновременно подсознательному пронзительному стремлению к нему?)

Бердяев, как он сам неоднократно подчеркивает, – певец свободы и творчества. Но творчество видится им, прежде всего, в ментальном и мистическом планах. И хотя он выделяет особо то, что «творческая энергия имеет связь с оргийностью пола» и что «оргийность пола есть положительная творческая энергия»², к творчеству жизни – зачатию и рождению детей – относится крайне негативно, видя в этом лишь животное вос-производство смерти, ибо все, что рождается – умирает. «Сексуальный акт, – пишет он, – закрепляет плохую бесконечность, бесконечную смену рождения и смерти. Рождающий умирает и рождает смертное»³. (Интересно в связи с этим заметить, что эту теорию он воплощал на практике в своей жизни в платонической любви к своей жене).

Тоске по самому высокому, богоподобному творческому акту – творению жизни, Бого-подобной жизни – *творению детей* он противопоставляет тоску по мистической любви, тоски по соединению с Богом через исключительно духовный мистический экстаз полов. Да, с точки зрения сексологии и медицины, *зачатие детей* происходит через физиологическое соединение полов. Но здесь в человеке видится только его «животная физиология», ведь зачинают детей своих и звери, и птицы, и рыбы. Эротология говорит о *творении детей* – духовно-душевно-физиологическом, богоблагословенном (с молитвой экстатической благодарности Богу!) творческом акте, в который вкладываются все силы духа, души и тела человека и который ведет не к опустошенному физиологическому состоянию, о чем говорит практика и сексология, не к разъединенности и отчужденности соединявшихся, расколотости и обезличиванию личности, о чем говорит Бердяев⁴, а к про-свет-лению, о чем повествуют вос-

¹ Эпштейн М. Sola amore: любовь в пяти измерениях... С. 340.

² Бердяев Н.А. Смысл творчества // Бердяев Н.А. Философия свободы. Смысл творчества. М., 1989. С. 415.

³ Там же. С. 410.

⁴ Там же. С. 409, 410.

точные психотехники¹, к достижению состояния духовно-душевно-физиологической целостности, выражаемому в религиях понятиями «блаженства», «мокши», «нирваны» и т. д. Другое дело, что *такой* секс – величайшая редкость, но это лишь печальное про-явление величайшей редкости истинно человеческой любви и секса (о таком духовно-душевно-физическом слиянии в истинно человеческом сексе прекрасно пишет Эпштейн в книге «Sola amore»²). Не является ли «обрушивание» Бердяевым своего гнева и обличений на секс в данном контексте повторением, возможно, бессознательным, того церковного видения в сексе лишь греха, который он сам же обличает? Ведь сам же он говорит, что «моральный пафос деторождения, брезгливо презирающий сексуальный акт по существу лицемерный... Если божественно деторождение, то божествен и акт, от которого оно зависит. В этом был свято прав Розанов»³.

Бердяев прав, что сексуальная энергия является источником не только продолжения рода, но и творчества, об этом много говорил Фрейд, а до Фрейда – в восточной философии, где кундалини (сексуальную энергию) рассматривали как «огонек», зажигающий «бикфордов шнур» всех чакр и раскрывающий высшую чакру – чакру духа человеческого – сахасрау⁴. Но с точкой зрения Бердяева, согласно которой «в сексуальном акте есть *неизбежно* элемент разврата, ибо есть дробление и отчуждение половой энергии от цельной жизни тела и духа (курсив мой. – *Н.Ш.*)»⁵ я никак не могу согласиться. Сексуальная энергия, при ее переключении на творчество, раскрывает духовный потенциал человека, а не «дробит» цельную жизнь тела и духа. Более того, история наполнена примерами того, что именно влюбленность, причем далеко не платоническая, является импульсом для вдохновения и создания величайших творений человечества. Причем, сам Бердяев связывает творчество с эротикой, обращает *особое внимание* на то, что «религиозный смысл любви половой, эротике, в том, что она является источником движения личности ввысь, творческого ее восхождения»⁶. Но почему же у Бердяева эта эротика стерилизованная, оторванная, причем

¹ Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и транс-персональные состояния. СПб., 1998.

² Эпштейн М. Sola amore: любовь в пяти измерениях... С. 213–214.

³ Бердяев Н.А. Смысл творчества. С. 424.

⁴ Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и транс-персональные состояния. С. 214.

⁵ Бердяев Н.А. Смысл творчества. С. 401.

⁶ Там же. С. 434.

агрессивно, категорически, от физиологии? Ведь он сам подчеркивает, что «огненное отрицание сексуального акта есть огненное проявление пола в человеке»¹. Или «огненное проявление пола» в Бердяеве отрицает секс? Почему?

Почему он видит человека лишь в мужчине, а в женщине – лишь пол? Она – «женщина, а не человек», – провозглашает он². Да, женщина – пол, пол-человека, но и мужчина – пол, пол-человека. И именно в единстве суженой и суженого, единении родственных духовно-душевно мужчины и женщины рождается состояние андрогинности, и нельзя не согласиться с Бердяевым, что «соединение полов – четырехчленно, а не двучленно, оно всегда есть сложное соединение мужского начала одного с женским началом другого и женского начала этого с мужским началом того»³. Здесь поистине имеет место чудо: соединение двух пол-овинок рождает два целостных существа. И в то же время одно – муже-деву – андрогина (конечно, на духовном плане).

Учение об обретении андрогинности через половое соединение, эротический экстаз сближает эротологию Бердяева с учениями мистиков об андрогинизме (Я. Беме, Фр. Баадер, Максим Исповедник), а также с восточной философией (индуизма, буддизма, даосизма).

Сам Бердяев обращает внимание на то, что учение об андрогинизме и деградиционных процессах, возникающих при расщеплении целостности человека описано и в Библии⁴. Бог сотворил *сначала* человека по Своему образу и подобию (Бт. 1: 26). Не мужчину и женщину, а че-ло-века. По подобию Бога. Бог, конечно, андрогиничен по своей природе (об этом говорится во множестве религий, об этом говорят мистики, в частности Гермес Трисмегист⁵, следовательно, и человек, как подобие Бога, андрогиничен по своей природе. Бог – не мужское и не женское, Он – все. И если бы Бог был носителем лишь мужского, то и создавал бы лишь мужское, ибо то, что вверху, то и внизу. Но это, согласитесь, абсурд. Далее. *Позже* Бог разделяет целостного человека-андрогина на две пол-овинки: мужчину и женщину (вот этот процесс разделения на 2-е половинки, образование 2-х полов, мужчины и женщины, и объединение этих пол-овинок, полов, в единое целое и осмысливает Бердяев в

¹ Там же. С. 400.

² Там же. С. 432.

³ Там же. С. 431.

⁴ Там же. С. 403.

⁵ *Элиаде М.* Миф об андрогине, или мистерия целостности. Гл. «Миф об андрогине». СПб., 1998.

работе «Смысл творчества» в главе «Творчество и пол. Мужское и женское. Род и личность»¹). Но... Это очень важно! Бог говорит им: «Потому оставит человек отца своего и мать свою и *прилепится* к жене своей; и *будут [два] одна плоть* (курсив мой – Н.Ш.)» (Бт. 2: 24). То есть лишь в единстве мужчины и женщины состоится человек, и лишь в этом *единстве* может родиться дитя человеческое (причем, чем гармоничнее связь мужчины и женщины, тем гармоничнее (счастливее) рожденное от этого союза дитя). Дитя еще не расщеплено на 2-е половинки, два пол-а: мужской и женский, оно (не он или она, а *оно!*) целостно. Дитя андрогинично по своей природе.

В даосизме в «Дао дэ цзин» (§ 55) говорится в связи с этим: «Не зная союза двух полов, он (новорожденный младенец. – *Н.Ш.*) обладает животворящей способностью... Он совершенно гармоничен»². Рассуждая об этом феномене, Е. А. Торчинов пишет: «Здесь младенец (именно младенец: в тексте буквально сказано *чи цзы*, “красное дитя”, что означает новорожденного) оказывается образом совершенного мудреца, преисполненного жизненной силы. Младенец является своеобразным андрогиним, в котором не произошло еще разделения на мужское и женское и который поэтому преисполнен жизненных сил»³. По мере взросления и обретения своей пол-овой идентификации происходит постепенное расщепления дитя-андрогина на пол человека ($\frac{1}{2}$ человека). С началом пол-ового созревания (или оцветания андрогинизма?) юноша или девушка все более стремятся найти *свою* пол-овинку. Не просто соединиться с противоположным пол-ом (как в современной опошленной эротике), а найти *свою* половинку! Почему? Почему, не найдя *своей* половинки, человек становится несчастным, более того, сознательно или подсознательно чувствует свою ущербность, не-пол-ноценность? Да потому, что в программе человеческого развития заложено достижение утраченного андрогинизма, целостности. И «вся сексуальная жизнь человека есть лишь мучительное и напряженное искание утерянного андрогинизма, воссоединения мужчины и женщины в целостное существо»⁴, – совершенно верно говорит Бердяев и в то же время этим противоречит сам себе.

¹ Бердяев Н.А. Смысл творчества. С. 399–420.

² Дао дэ цзин // Дао: гармония мира. М., 2000. С. 26.

³ Торчинов Е.А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и транс-персональные состояния. С. 151.

⁴ Бердяев Н.А. Смысл творчества. С. 403.

Секс многолик: он и источник творчества, и способ достижения целостности, андрогинности, и творчество жизни – детей, и источник наслаждения и вдохновения, и... разврат. Разврат возможен лишь в сексе, хотя, как отмечалось выше, секс сам по себе, как и тело человеческое, – это не только не источник греха, похоти, но источник творчества и целостности человека, источник жизни. Развратно не само по себе сексуальное соединение женщины и мужчины, а характер этого соединения. Если секс основан на любви, если он гармонизирует мужчину и женщину, соединяет пол в целое, то это не разврат. И в этом контексте Бердяев отмечает, что представления о развратности аномалий половой жизни поверхностны и являются лишь «ходячими представлениями». «Наша половая жизнь, – с болью замечает философ, – есть сплошная аномалия, и иногда самое “нормальное” может оказаться развратнее “ненормально-го”»¹. Так сексуальные отношения супругов, у которых нет любви друг к другу, Бердяев рассматривает как разврат, ибо суть последнего он видит в противоположности всякому соединению. «Разврат есть разъединение, и он всегда превращает объект полового влечения в средство, а не в цель... Любовь к сексуальному акту вместо любви к слиянию в плоть единую – в этом физиология разврата»².

Противоядиями от разврата являются, по мнению Бердяева, любовь и духовная жизнь³. Возможно, именно редкость в наше время истинных (а не провозглашаемых) любви и духовной жизни и привели к превращению не только личных взаимоотношений, но и всего общества в, простите, большой публичный дом. И парадоксальность современного культа сексуальности заключается в том, что «разнузданная сексуальность» ведет не к «разнузданному деторождению», а к снижению деторождения и СПИДу. Сексуальное физиологическое удовольствие затмило основной инстинкт всего живого – инстинкт продолжения рода. И причина этого, как на это неоднократно выше указывалось, не в греховности самого секса, а в его характере, в отношении к нему, в видении в нем цели, а не средства.

Таким образом, размышляя о соотношении любви земной и любви космической, той, которая сотворила Вселенную, Бердяев видит в эроте космососозидающую силу. Эротология Бердяева – это эротология *слияния, духовного единения* мужеского и женственного,

¹ Там же. С. 430.

² Там же. С. 429.

³ Там же. С. 430.

мистическое духовное соединение двух полов и образование целостного бесполого существа муже-девы – андрогинна. То есть, по существу, эротология, как учение о поле, у Бердяева сводится к отрицанию пола, снятию «половости» и «оргазму духа».

В. С. Возняк

П. А. ФЛОРЕНСКИЙ О САМОУТВЕРЖДЕНИИ, РАССУДКЕ И РАЗУМЕ

Категории классической философии «рассудок» и «разум» превосходно «работают» в философии П. А. Флоренского, который последовательно анализирует закон тождества и обнаруживает его противоречивость. Рассудочно все то, что выделено из среды прочего, что не смешивается с прочим и *замкнуто в себя*, – одним словом, что самотождественно. Однако выходит, что *рассудочное* есть в то же время *необъяснимое*: объяснить А означает привести его «к другому», к не-А (закон достаточного основания), вывести А из не-А. «То, что рассудочно, то неразумно, – несообразно мере разума. Разум противен рассудку, как и этот последний – первому, ибо требования их противоположны. *Жизнь*, – текучая, несамотождественная, – жизнь *может* быть разумна, *может* быть прозрачна для разума... но именно потому самому она была бы неместима в рассудке, *противна* рассудку, разрывала бы его ограниченность. А рассудок, враждебный жизни, – поэтому самому, в свою очередь, искал бы умертвить ее, прежде нежели согласиться принять ее в себя»¹. Сам рассудок вынуждает нас выходить за его пределы. Тождество, мертвое в качестве *факта*, может быть и непременно будет живым в качестве *акта*. Тогда закон тождества окажется поверхностью бытия глубинного, – не геометрическим образом, а «внешним обликом недоступной рассудку глубины *жизни*; и в этой *жизни* он может иметь свой *корень* и свое *оправдание*»². Дабы избавиться от эмпирии рассудка, надо выйти за его пределы, войти в ту область, где он коренится; а это значит, что нужно было бы в *опыте* осуществить синтез противоположностей, синтез безотносительного и отношения, первого и выводного, покоя и движения, единицы и бесконечности. Косность закона тождества преодолевается тройким

¹ Флоренский П.А. Столп и утверждение истины. Т. 1 (I). М., 1991. С. 29–30.

² Там же. С. 47.